

Черногорца о номоканонѣ Іоанна Постника. Голль на стр. 297 приводитъ выдержку изъ анонима по описанію рукописей вѣнской придворной бібліотеки Ламбеція VIII, 449. Ассеманъ (Bibliotheca juris orientalis canonici et civilis, lib. III, Romae, 1763, p. 533—534) объяснилъ, что анонимъ Ламбеція есть не кто другой, какъ Никонъ Черногорецъ. Ассеманъ относилъ время жизни Никона Черногорца къ XII в.; но правильное относитъ его ко второй половинѣ XI в., т. е. считать его современникомъ того Іоанна Постника, о которомъ говорится въ похвальномъ словѣ патріарха Каллиста (см. Cotelierii, Monumenta, III, 645; Павловъ, Номоканонъ при большомъ требникѣ, стр. 33), какъ это дѣлаетъ и самъ Голль, относящій автора пандектъ Никона (онъ же и авторъ тактика, онъ же и анонимъ Ламбеція) къ временамъ патріарха Николая Грамматика (стр. 293). Никонъ Черногорецъ, какъ извѣстно, выражаетъ недоумѣніе по поводу разнообразія списковъ номоканона и разнообразія написаній въ нихъ то именемъ патріарха Іоанна Постника, то именемъ Іоанна монаха, ученика Василія Великаго, чада послушанія, то, наконецъ, въ видѣ обращенія старца нѣкогого къ ученику. Никонъ, какъ извѣстно далѣе, заявилъ и сомнѣніе въ томъ, чтобы патріархъ писалъ какой либо уставъ, о которомъ ни трульскіи соборъ, ни соборъ 920 г. ни слова не говорятъ. Но, спрашивается, могъ ли современникъ патріарха Николы Грамматика и монаха Іоанна Постника говорить что либо подобное, если предположить, согласно Голлю, что этотъ именно монахъ былъ первымъ составителемъ покаяннаго номокакона? Очевидно опять, что покаянные уставы раньше второй половины XI в. обращались на востокъ, причемъ утилизировалось и авторитетное имя патріарха Іоанна Постника.

Вышепзложенныя замѣчанія нисколько не подрываютъ достоинствъ послѣдованія Голля. Книга написана съ большимъ знаніемъ и съ любовью къ предмету и, безъ сомнѣнія, прочтется въ подлинникъ всякимъ, кто пожелалъ бы точнѣе ориентироваться въ вопросахъ, которые трактуются почтеннымъ авторомъ, и которые въ рецензіи лишь въ общихъ чертахъ намѣчены.

II. Суворовъ.

11 ноября 1898 г.

K. Krumbacher. *Michael Glykas. Eine Skizze seiner Biographie und seiner litterarischen Thätigkeit nebst einem unedirten Gedichte und Briefe desselben* (Sitzungsberichte d. philos.-philol. u. hist. Cl. d. K. bayr. Ak. d. W. 1894, H. III, SS. 391—460).

Мы давно въ неоплатномъ долгу предъ профессоромъ пакадмикомъ, нашимъ ученымъ доброжелателемъ, учителемъ (maitre) и другомъ К. Крумбахеромъ. Не только второе изданіе его «Исторіи византийской литературы» (Geschichte der byzantinischen Litteratur von Karl Krumbacher, unter Mitwirkung von A. Ehrhard und H. Gelzer. München, 1897),

вездѣ принятое съ надлежащимъ признаніемъ и благодарностью, остается до сихъ поръ безъ подобающей оцѣнки въ нашемъ журналѣ, но и другія его болѣе мелкія и доступныя критикѣ работы развѣ только были слегка упомянуты, тогда какъ онѣ въ качествѣ поучительныхъ образцовъ заслуживаютъ величайшаго вниманія. Неоцѣненная и неоцѣнимая большая книга находится съ давняго времени въ рукахъ знающаго и опытнаго рецензента, лично извѣстнаго автору, и только особыя обстоятельства помѣшали этому рецензенту исполнить принятое на себя обязательство, котораго, однако, къ нашему удовольствію онъ съ себя не думаетъ слагать. Что же касается спеціальныхъ частныхъ работъ К. З. Крумбахера, то мы рѣшаемся теперь дать имъ дорогу впереди Исторіи литературы и полагаемъ въ этомъ номерѣ Временника начало ихъ обзорѣ и оцѣнкѣ.

Крумбахеръ начинаетъ свое изслѣдованіе указаніемъ на трудную задачу, поставленную Тэномъ: для полнаго уразумѣнія и правильной оцѣнки какого-либо писателя, должно изслѣдовать не только его произведенія, но и его самого, его внутреннее развитіе, его внѣшнія отношенія, даже его обыденныя привычки. Въ извѣстномъ смыслѣ можно позавидовать древнимъ: дымка тысячелѣтій, скрывающая ихъ частную жизнь отъ нескромныхъ взоровъ, не можетъ быть разорвана. Но есть отдѣльныя лица въ древніе и средніе вѣка, относительно которыхъ задача эта можетъ быть выполнена съ неменьшею точностью, чѣмъ относительно лицъ, намъ современныхъ. «Надо только, чтобы исторія литературы во всѣхъ своихъ областяхъ, даже самыхъ противоположныхъ, ясно сознавала свою задачу: на основаніи произведеній писателей, на основаніи сохранившихся о нихъ сужденій и извѣстій, и, главнымъ образомъ, путемъ изученія окружавшей ихъ среды и времени—выработать жизненную ихъ характеристику». Византійская литература — область, въ коей задачи эти еще только ожидаютъ своего рѣшенія. Нѣкоторые ученые уже вдохнули жизнь въ нѣкоторые изъ византійскихъ типовъ, казавшихся до сихъ поръ столь безжизненными и однообразными: такъ Тафель и Неандеръ дали блестящую характеристику схолиаста Евстафія Солунскаго, Элпсентъ — аѳинскаго архіепископа Михаила Акомината, недавно Нейманъ — Михаила Пселла ¹⁾.

Такимъ же Византійцемъ, лишеннымъ всякой индивидуальности былъ и Михаилъ Глика. Но Крумбахеръ, частью при помощи новыхъ, лишь въ послѣднее время изданныхъ текстовъ, частью съ помощью приложенныхъ къ его книгѣ, досель неизвѣстныхъ письма и стихотворенія, пытается рѣшить задачу Тэна и по отношенію къ этому автору ²⁾.

Прежде всего онъ приступаетъ къ разбору произведеній его.

Наиболѣе извѣстнымъ произведеніемъ Глики является его всемірная хроника. Первою ея отличительною чертою является то, что къ исторіи творенія по кн. Бытія прилелены баснословныя зоологическія данныя Флзю-

лога и разныя естественно-историческія любопытныя данныя о сотвореніи камней, растеній и животныхъ пзъ Эліана и др. источниковъ. Второе отзвѣчіе того же сочиненія — необычайно длинныя и подробныя богословскія разсужденія. Въ третьихъ, вся хроника имѣетъ характеръ увѣщанія. Не только въ началѣ ея имѣется посвященіе сыну (котораго онъ называетъ τέκνον μου φίλτατον), но и вся она пересыпана выраженіями вроде: Χρὴ δὲ σε καὶ τοῦτο εἰδέναι... Πρόσεχε, ἀγαπητὲ... Πρόσεχε, εἰ βούλει, .. Ὁρα δὲ... и т. д.¹⁾.

Вся первая книга является настоящимъ комментариемъ къ книгѣ Бытія; начинается она съ разрѣшенія вопроса, почему Богъ не сотворилъ міра въ одинъ день²⁾. Интересно отношеніе Глики къ древней философіи. Изъ древнихъ онъ не противорѣчитъ одному Аристотелю; на всѣхъ остальныхъ онъ смотритъ съ самой узко-правовѣрной точки зрѣнія. Въ противность архіепископу Іоанну Мавроподу Евхартскому онъ всѣхъ, и Платона, и Плутарха вмѣстѣ съ прочими, подвергаетъ самому строгому осужденію, и смѣется надъ ихъ попытками опредѣлить взаимное разстояніе солнца и луны и пр.³⁾.

Изъ естественно-историческихъ вопросовъ Глика выбираетъ преимущественно такіе, которые ведутъ въ область рѣдкаго или даютъ пищу для нравственно-богословскихъ толкованій. (Напр. финиковая пальма приноситъ плоды сладкіе, хотя растетъ на почвѣ соленой, такъ и мы, пребывая среди злыхъ, можемъ остаться добрыми). Главное его стараніе направлено къ тому, чтобы доказать цѣлесообразность творенія міра и устранить кажущіяся противорѣчія, напримѣръ, существованіе зла. Отсюда сочиненіе его получаетъ характеръ народнаго катехизиса⁴⁾.

Источниками, на которые онъ явно ссылается, являются, кромѣ языческихъ философовъ, извѣстнѣйшіе отцы церкви: Іустинъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Θεοδορίτѣ, Максимъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Анастасій Синаитъ. Первое мѣсто, разумѣется, занимаютъ писавшіе о дняхъ творенія. Ссылается онъ и на мірской авторитетъ, на романъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ, и при этомъ говоритъ о немъ, какъ о книгѣ общеизвѣстной⁵⁾.

Далѣе Крумбахеръ переходитъ къ разбору второго прозапческаго произведенія Михаила — его богословскихъ писемъ. Ихъ заглавіе: Τοῦ σοφωτάτου καὶ λογιωτάτου κυροῦ Μιχαὴλ τοῦ Γλυκῆ τοῦ γριμματακοῦ εἰς τὰς ἀπορίας τῆς θείας γραφῆς λόγος. Какъ въ хроникѣ онъ поучаетъ сына, такъ здѣсь онъ поучаетъ своихъ друзей и покровителей. Такъ въ 3-мъ письмѣ говорится Περὶ τοῦ ὁπίσθεν ἦν ἀπ' ἀρχῆς ὁ Ἀδάμ κατὰ γὰρ δόξαν ὁμοῦ καὶ λαμπρότητα. Темы хроники и писемъ сходны, одинакова и ихъ обработка. Болѣе того: если темы писемъ уже обсуждались въ хроникѣ, то Глика просто приводитъ въ письмѣ своемъ соотвѣтствующіе отрывки изъ хроники. Но, замѣчаетъ Крумбахеръ, окончательно установить взаимныя

1) Стр. 393—394.

2) Стр. 394.

3) Стр. 394—395.

4) Стр. 396.

5) Стр. 397.

отношенія хроник и писемъ возможно будетъ только послѣ того, какъ будетъ дано полное критическое изданіе писемъ. Далѣе Крумбахеръ перечисляетъ тотъ рукописный матеріалъ, который имѣется въ нашемъ распоряженіи.

Оказывается, что въ рукописяхъ одни и тѣ-же письма — въ болѣе или менѣе полномъ ихъ собраніи — приписываются то Михаилу Глику, то другому хронисту XII-го вѣка, Іоанну Зонарѣ. Отсюда вопросъ о дѣйствительномъ авторѣ писемъ, усложненный тѣмъ, что и время, когда жилъ Гликъ, оставалось долгое время сомнительнымъ. Ф. Лаббъ, французскій издатель хроники Михаила Глика, не исполнилъ своего обѣщанія и не представилъ изслѣдованія о жизни своего писателя. За вопросъ о дѣйствительномъ авторѣ писемъ долженъ былъ взяться самъ Дюканжъ при изданіи хроники Зонары. Онъ указалъ на то, что въ большей части старинныхъ сборниковъ и въ каталогахъ письма приписываются Глику (Дюканжъ еще не зналъ прекраснаго московскаго синодальнаго — изъ типографскихъ — экземпляра, одного изъ наиболѣе древнихъ: см. о немъ у Крумбахера стр. 399), но не рѣшается сказать, что они писаны Михаиломъ Гликомъ, и опять не рѣшается сказать, когда жилъ Гликъ. Дюканжъ настаиваетъ только на томъ, что письма писаны въ XII вѣкѣ, такъ какъ въ одномъ содержится отвѣтъ на мнѣніе въ пользу астрологій царя Мануила Комнина, изложенное въ посланіи къ одному монаху, и такъ какъ есть письма, адресованныя къ лицамъ, въ которыхъ можно признать савоиниковъ, современныхъ Мануилу Комнину и его ближайшимъ современникамъ — къ Іоанну Дукѣ, Андронику Палеологу, Алексѣю Контостефану и т. д. Тѣмъ не менѣе даже послѣдующіе ученые (Oudin, *Dissertatio de aetate et scriptis Glycae* въ *Scriptores ecclesiast.* tom. III, 2521) приписывали письма Глику, относя ихъ къ XV столѣтію вмѣстѣ съ авторомъ, и страннымъ образомъ опирались на имени одного изъ корреспондентовъ, Константина Палеолога, принимаемаго за послѣдняго византійскаго императора, какъ будто Дюканжъ могъ не замѣтить этого имени, если бы оно относилось къ императору; но на самомъ дѣлѣ надписаніе трехъ писемъ къ Константину Палеологу (въ московскомъ сборникѣ №№ 40, 61, 81) показываетъ, что рѣчь идетъ вовсе не о царѣ... Новѣйшіе изслѣдователи съ полною рѣшительностью стали считать авторомъ писемъ Глику, полагая, что онъ также, какъ и Зонара, жилъ въ XII вѣкѣ. (См. Hirsch, *Byzant. Stud.* стр. 396). Рѣшительнымъ аргументомъ было обнаруженное Леграномъ посланіе Глика къ Мануилу Комнину (Legrand, *Bibliothèque grecque vulgaire* I, XV). — Съ своей стороны мы изложили положеніе вопроса въ нашемъ *обзорнѣи трудовъ по Византійской исторіи*, вышедшемъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, представивъ еще нѣкоторые новые аргументы въ пользу Глика, какъ писателя XII вѣка. Проф. Крумбахеръ въ своемъ изложеніи не касается исторіи вопроса и рассматриваетъ его какъ бы вновь. Впрочемъ, онъ дѣйствительно разбираетъ его всесторонне и съ начала об-

ходитъ аргументъ, заимствуемый отъ плени адресатовъ, обращаясь къ нему ниже. Прежде всего онъ выставляетъ слѣдующія соображенія:

1) о принадлежности ихъ Гликѣ свидѣтельствуетъ древнѣйшій кодексъ, ихъ содержащій — Paris. 228;

2) буквальные заимствованія изъ хроники Глики, которою не могъ пользоваться Зонара, ибо она въ свою очередь нѣчто почерпаетъ изъ его же (Зонары) исторiи;

3) стиль писемъ тотъ же, что и хроники Глики;

4) въ письмахъ проявляется свойственное Гликѣ пристрастiе къ народнымъ пословицамъ и поговоркамъ.

На основанiи всего этого Крумбахеръ заключаетъ, что вопросъ о томъ, кто авторъ писемъ, можетъ считаться рѣшеннымъ; остается найти, на какомъ основанiи приписывали ихъ Зонарѣ.

Третье литературное произведенiе, которое мы съ увѣренностью можемъ приписать Зонарѣ—это его сборникъ пословицъ. Онъ стоитъ въ связи и по духу совершенно однороденъ съ предыдущими двумя: подробныя письма поучали людей зрѣлыхъ, поучающая хроника — молодого сына, толкованiя пословицъ назначены для школьнаго преподаванiя, стихотворныя — для искушенныхъ ученiемъ, понятныя прозаическiя — для начинающихъ.

Далѣе авторъ разсматриваетъ четвертое произведенiе Глики, «Моленiе къ императору Мануилу Комнину», которое Глика писалъ въ 1156 г. изъ тюрьмы. Но моленiе это дѣйствiя не возымело и императоръ все таки приказалъ освѣпить Глику.

Въ примѣчанiи 2 на 406 стр. Крумбахеръ приводитъ догадку Нейманна, что Глика былъ замѣшанъ въ дѣло при паденiи Θεодора Стипiота, ибо годъ осужденiя и Θεодора и Глики совпадаетъ — 1156. Ниже мы увидимъ, что годъ этотъ не вѣренъ. Самый заговоръ былъ открытъ не въ 1156, а въ 1159 г., ибо тогда именно извѣстiе о немъ заставило Мануила бросить походъ, начатый въ союзѣ съ королемъ Иерусалимскимъ, и послѣшно вернуться въ столицу, несмотря на опасности и потери, которыя онъ понесъ на возвратномъ пути¹⁾.

Освѣпленный Глика изъ заточенiя своего, гдѣ онъ жилъ всѣми оставленный, преподнесъ царю свое толкованiе пословицъ. Къ послѣднему толкованiю (пословицы «у мертваго нѣтъ друзей») онъ присоединилъ послѣсловiе, гдѣ сравниваетъ себя съ мертвецомъ и проситъ царя вывести его изъ могилы, гдѣ онъ пребываетъ уже 5 лѣтъ.

По такому же поводу возникло, по мнѣнiю Крумбахера, и вновь издаваемое имъ стихотворенiе (состоящее изъ 124 стиховъ).

Крумбахеръ даетъ полное, подробное и точное описанiе рукописи (Paris. 228), содержащей это произведенiе и относящейся къ концу

1) Теперь объ этомъ самое отчетливое и подробное изложенiе въ трудѣ Röhrich, Geschichte des Königreichs Jerusalem (Innsbruck. 1898). S. 302.

XIII в. (407—409). Вслѣдъ за внѣшнимъ описаніемъ рукописи, онъ перечисляетъ находящіяся въ ней статьи (стр. 409—411). При этомъ въ пятой статьѣ читаемъ:

5) Μιχαήλ τοῦ [τοῦ] Θεσσαλονίκης τοῦ μαίστορος τῶν ῥητόρων, διδασκάλου τῶν εὐαγγελίων καὶ πρωτεδδίκου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως ἡ περὶ τὴν τελευταίαν ἐξομολόγησιν αὐτοῦ, ἐφ' οἷς προσέπταισε <καὶ> καθαρῶς.

Крумбахеръ выѣстъ съ другими (Ср. W. Regel, *Fontes rerum Byzantin.* I (1892), XVII) выпускаетъ второе τοῦ и читаетъ Μιχαήλ τοῦ Θεσσαλονίκης, почему и видятъ въ Михаилѣ этомъ митрополита Солунскаго (Also der schriftliche Widerruf, welchen der im J. 1156 abgesetzte Erzbischof Michael von Thessalonike vor seinem Tode abfasste¹). Но въ это самое время, въ 1156 году (съ 1144 или 1145-го года и далѣе по 1169 г.), Солунская кафедра занята была Василиемъ Орхидскимъ. Мы уже имѣли случай по поводу τοῦ τοῦ изложить сдѣланное наблюденіе, еще разъ устраняются излишнія поползновенія классиковъ къ исправленію византійскихъ текстовъ. Виновиномъ сличенія второго τοῦ у В. Э. Регеля былъ покойный академикъ Наукъ; проф. Крумбахеръ, самъ часто возстающій противъ притязательности древне-классическихъ филологовъ, могъ бы ему и не слѣдовать, предоставивъ это г-ну Дрезеке (см. ниже). Разсуждая въ статьѣ о Надгробномъ словѣ Василія Охридскаго на смерть Ирины Берты (*Визант. Временникъ*, томъ I стр. 60) о годѣ его вступленія на Солунскую кафедру, мы указали и на упоминаемаго въ письмахъ Цеци (Tzetzae epist. № 61 pag. 56) — ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης κύριος Κωνσταντῖνος, съ замѣчаніемъ, что это вовсе неравносильно съ другимъ болѣе обычнымъ выраженіемъ ὁ τῆς Θεσσαλονίκης или ὁ Θεσσαλονίκης. Последнее дѣйствительно означаетъ архіепископа Солуны, а первое — человѣка близкаго къ архіепископу Солуны, такъ что τοῦ τοῦ Θεσσαλονίκης = τοῦ (ἀνθρώπου) τοῦ (ἀρχιεπισκόπου) Θεσσαλονίκης²). Поэтому выпускать второе

1) Стр. 407—409.

2) Такъ какъ наше наблюденіе осталось незамѣченнымъ и составляетъ все еще новость, то мы считаемъ не излишнимъ повторить здѣсь то, что было приведено нами въ 1894 г. (*Визант. Временникъ* т. I примѣч. 2 на стр. 60) въ подтвержденіе высказаннаго; очевидно, объ этихъ вещахъ нужно твердить. Въ актахъ собора 1157 года на Сотириха (Mai, *Spicileg. rom.* X, pag. 2) въ перечисленіи присутствующихъ читается: ὁ Θεσσαλονίκης Μιχαήλ, а ниже (pag. 22) ὁ Θεοφιλέστατος πρωτεύδικος Μιχαήλ ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης. У Тафеля (*Supplem. historiae ecclesiast. graec.*, pag. 9) о томъ же самомъ лицѣ: ὁ τῆς Θεσσαλονίκης Μιχαήλ, гдѣ неправильность объясняется, вѣроятно, просто палеографическимъ недоразумѣніемъ. Въ каталогѣ рукописей Эскуріальской библиотекы Э. Миллера (*Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escurial*, Paris 1848) въ описаніи знаменитаго кодекса Y. II. 20 (№ 262 у Миллера) обозначено одно произведение того же Михаила слѣдующимъ образомъ (pag. 212): τοῦ τοῦ Θεσσαλονίκης κύρ Μιχαήλ τοῦ ῥήτορος λόγος ἀναγνώσεως εἰς τὸν κύρ Μανουήλ τὸν Κομνηνόν. Рѣчь эта теперь издана В. Э. Регелемъ въ первомъ выпускѣ его *Fontes rerum Byzantin.* (Petropoli, 1893), pag. 131, но здѣсь при передачѣ надписанія, благодаря вліянію классическихъ предубежденій, въ текстѣ второе τοῦ, какъ варварское, опущено, и сохранилось только внизу въ разночтеніяхъ. По византійскому словоупо-

тоу совершенно напрасно. Между нимъ и первымъ тоу должно было стоять наименованіе той должности, которую занялъ Μιχαήλ при Солунской церкви.

Исслѣдованіе характера статей кодекса приводитъ Крумбахера къ выводу, что всё онѣ имѣютъ характеръ отвѣтовъ на современные вопросы (XII в.), что самый кодексъ есть ни что иное, какъ «собраніе современныхъ комментаріевъ, актовъ, очерковъ, стихотвореній и писемъ, изъ коихъ львиная доля принадлежитъ Гликѣ» (стр. 412), а именно:

9) Πίναξ τοῦ Βιβλίου τοῦ Γλυκῆ.

10) Стихотвореніе на вульгарномъ греческомъ языкѣ.

11) Prosanotiz.

12) Впервые изданное Крумбахеромъ поздравительное и просительное стихотвореніе Глики.

13) Толкованіе пословицъ.

14) Письма Глики (стр. 409—411).

Стихотвореніе на вульгарномъ греческомъ языкѣ (о немъ уже была рѣчь выше) надписано: Στίχοι γραμματικοῦ Μιχαήλ τοῦ Γλυκῆ, οὗς ἔγραψε κх..... κητεσχέδη καὶρόν ἐκ προταγγελίας χαρехάκου τινός.....

Въ слѣдующемъ стихотвореніи авторъ не названъ, но просто сказано тоу αὐτοῦ. Стихотвореніе это обращено къ имп. Мануилу, только что вернувшемуся изъ побѣдоноснаго похода на Венгрію, безкровнаго для обѣихъ сторонъ. Восхваливъ военные успѣхи царя, поэтъ ловко переходитъ къ другой темѣ. Онъ славить кротость и долготерпѣніе царя и проситъ себѣ отъ него помилованія и снисхожденія и даже себя сравниваетъ съ деревомъ, подлежащимъ уничтоженію за безплодіе, но Господь снова далъ ему силы творить плоды и щедрость царская можетъ умножить ихъ. Онъ сорвалъ плоды эти съ духовнаго луга, и да приклонитъ царь ухо свое къ нимъ. Далѣе слѣдуютъ и самые плоды — толкованіе пословицъ.

Стихотвореніе это бросаетъ яркій свѣтъ на литературный пролетаріатъ въ Византіи. Крумбахеръ указываетъ, что не одинъ Глика отличался беззастѣнчивостью и, забывая обиды, просилъ денегъ у изувѣчившаго его кесаря (стр. 414).

Далѣе Крумбахеръ приступаетъ къ опредѣленію года, когда было написано стихотвореніе. Прежде всего оно составляетъ предисловіе къ собранію пословицъ, о послѣсловіи котораго сказано было выше. Для рѣшенія вопроса о времени появленія стихотворенія мы имѣемъ слѣдующія данныя:

1) Стихотвореніе на новогреческомъ языкѣ было написано въ то время, когда Мануилъ былъ въ Киплкіи, то есть, въ 1156 году.

требленію оно, очевидно, необходимо. 'Ο τῆς Θεσσαλονίκης относительно все того же Михаила мы встрѣтимъ въ изданіяхъ исторіи Никиты Хониата (Nicet. de Manuele lib. VII, с. 5. Вонн. 275, 23), но имѣемъ основаніе и здѣсь подозрѣвать неисправность несвѣдущаго писца или издателя.

2) Приводимая на стр. 415 прозаическая замѣтка доказываетъ, что прологъ, собраніе пословицъ и эпilogъ написаны послѣ вульгарнаго стихотворенія и послѣ ослѣпленія.

3) Прологъ обращенъ къ Мануилу, когда тотъ возвращался домой послѣ безкровной побѣды въ Венгрію.

4) Въ эпilogъ Глика говоритъ, что онъ уже 5 лѣтъ въ темницѣ.

Слѣдовательно $1156 + 5 = 1161$ годъ. Таковъ выводъ Крумбахера (стр. 415—417). Процессъ разсужденія совершенно вѣренъ, но выводъ не вѣренъ, ибо невѣренъ 1156 годъ, какъ годъ пребыванія Мануила въ Киликіи. Противъ этого года возражалъ стремительно и многословно Дрезеке; онъ опредѣлялъ годъ (1158) вѣрно, но на невѣрныхъ основаніяхъ ¹⁾.

1) Dräseke, Zu Michael Glykas (Byzantin. Zeitschrift V (1896) 54—62). Дрезеке, желая точнѣе обосновать (begründen) двѣ даты въ дѣятельности Михаила Глика, отправляется отъ двухъ засѣданій собора на Сотириха, изъ коихъ второе, на которомъ присутствовалъ Мануилъ и заявилъ, что нужна поспѣшность, ибо онъ собирается въ походъ, было, по мнѣнію Дрезеке, въ 1158 году, а походъ разумѣлся киликійскій. Въ сущности Дрезеке повторяетъ то, что уже писалъ ранѣе; повторимъ и мы то, что писали въ его опроверженіе (*Визант. Врем.*, т. I, стр. 61—62 примѣч.), относя второе засѣданіе собора, вмѣстѣ съ другими, къ 1157 году (первое было въ 1156 г., въ чемъ всѣ согласны). Нѣмецкій ученый Дрезеке (Dräseke, Zu Nicolaus von Methone in Zeitschrift für Kirchengeschichte IX (1887) S. 414), стараясь доказать, что между соборомъ 1156 года и другимъ — по его 1158 г., который прежде относили тоже къ 1156 году, былъ значительный промежутокъ, ссылается между прочимъ на разницу въ наименованіяхъ солунскаго архіепископа: на первомъ является *επισκοπὸς* Михаилъ, а на второмъ *ein anderer, Namens Kalos*. Откуда взялся Михаилъ, Солунскій митрополитъ въ данную эпоху, мы уже знаемъ (см. выше стр. 529 прим. 2). Теперь нужно сказать, что Дрезеке вообще надѣлалъ очень много ошибокъ въ своихъ хронологическихъ вычисленіяхъ о соборѣ 1157 года (у него 1158 г.) и совершенно незаслуженно получилъ за нихъ похвалу отъ русскаго ученаго: Дрезеке, де, *основательно* доказалъ, что соборъ собирался въ 1158 году (А. Лебедевъ, *Очерки византійской церкви въ XI—XV вѣкахъ*. Москва, 1892, стр. 54). Вѣрнѣе было бы сказать, что Дрезеке здѣсь обнаружилъ полное незнаніе дѣла и даже неумѣніе справиться съ разчисленіемъ индиктовъ. Что майское собраніе собора было въ 1157 году, объ этомъ прежде всего свидѣлствуетъ стоящая въ началѣ отмѣтка (Mai, Spicil. rom. X, 58): *μηνὶ Μαΐῃ β' ἡμέρᾳ ἰνδ. ε'*. Такъ какъ пятый индиктъ соотвѣтствуетъ 6665 сентябрюскому году, то уже отсюда получается 1157 г. по Р. Х. Сверхъ того нужно имѣть въ виду и пропущенное у Май обозначеніе дня недѣли, какимъ, на основаніи простой догадки по *βροχέτης* (дождливый), должно быть α' (Воскресенье), дѣйствительно и прочтенное ранѣе Тафелемъ въ его рукописи (*Supplementa histor. eccles. graecor.*, pag. 18 *Μηνὶ Μαΐῃ β' ἡμέρᾳ α' ἰνδ. ε'* = Мая 12 числа, въ первый день недѣли (въ Воскресенье инд. 5); 12 мая въ 1157 году дѣйствительно приходится въ Воскресенье. Въ обозначеніи слѣдующаго засѣданія (13 мая) день недѣли выраженъ цифрою (буквою), но за то пропущенъ индиктъ (Mai, Spicil. X, 83): *Μηνὶ Μαΐῃ γ' ἡμέρᾳ, β' ἰνδικτῶν*; нужно читать: *Μηνὶ Μαΐῃ γ', ἡμέρᾳ β', ἰνδικτ. ε'*. Тринадцатое мая дѣйствительно въ этотъ индиктъ будетъ приходиться въ понедѣльникъ. На стр. 85 у Май уже нѣсколько иначе: *Μηνὶ Μαΐῃ γ' ἡμέρᾳ ἰνδικτῶν β'*. Очевидно, неловкая перестановка принадлежитъ незнающему переписчику. Нужно, впрочемъ, сказать, что понимающие люди нисколько не были увлечены аргументаціею Дрезеке (у Θ. И. Успенскаго, *Очерки визант. образованности*, стр. 218, правильно 1157 годъ; а еще ранѣе та же дата была принята у Каггера: *Kar-Herr, Abendländische Politik Kaiser Manuels* (Strassburg,

Выше мы уже видѣли, что Мануилъ выѣхалъ изъ Киликіи въ 1159 году. Прибылъ онъ туда въ сентябрѣ 1158 года¹⁾.

И такъ, если стихотвореніе писано во время пребыванія имп. Мануила въ Киликіи, то—въ 1158—1159 году. Въ 1159 г., вѣроятно, произошло и ослѣпленіе Глпки. Черезъ 5 лѣтъ, т. е. въ 1163—1164 г., было окончено его собраніе пословицъ.

Изслѣдуемое Крумбахеромъ и впервые имъ издаваемое стихотвореніе, какъ мы видѣли, составляетъ прологъ къ названному собранію. По надписанію оно поднесено государю, когда онъ возвращался изъ Венгріи послѣ *безкровной побѣды*. Крумбахеръ и разбираетъ, совпадаетъ ли дата этой безкровной побѣды съ найденной имъ датой 1161—1162 г. для собранія пословицъ. Онъ находитъ, что поэтъ разумѣетъ походъ Мануила въ Венгрію въ 1161 году, по случаю распріи между Владиславомъ и Стефаномъ, братьями умершаго 31 мая 1161 г. Гейзы II съ одной стороны, и сыномъ покойнаго, Стефаномъ (III) съ другой, изъ за престолонаслѣдія. Но и здѣсь можно подыскать болѣе подходящую и, конечно, болѣе точную дату. У Миллера (*Recueil des historiens des croisades. Historiens grecs II, 748*) напечатаны обширные отрывки изъ стихотворенія Θεοδωρα Προδρομα на императора Мануила, когда онъ однимъ своимъ появленіемъ (ἐπιστάσις) поразилъ *короля* (τὸν ἡμέτερον) — разумѣется, какъ всегда подъ такимъ титуломъ, король Венгерскій — и одержалъ *безкровную побѣду* (νίκην ἡρὸν ἀνέμειχτον): также терминологія, какъ у Глпки, но сверхъ того очень подробный рассказъ о всѣхъ подробностяхъ этого похода; чтò пропущено у Миллера, мы имѣемъ возможность восполнить по дополнительной копіи В. Э. Регеля, намъ любезно сообщенной. Изъ всѣхъ этихъ подробностей отмѣтимъ, что подъ безкровною *побѣдою* разумѣется походъ Мануила въ Венгрію для поддержки Стефана IV, согласившагося признать свою вассальную зависимость отъ византійскаго императора, противъ его племянника Стефана III Гейзинча (братъ Влади-

1881, S. 139). Вопросъ о томъ, противъ кого были направлены военныя намѣренія Мануила, присутствовавшаго на соборѣ и ради предстоящаго похода торопившаго отцевъ собора скорѣе постановить опредѣленіе, долженъ быть рѣшаемъ—уже послѣ того, какъ будетъ установленъ настоящій годъ собора, а не на оборотъ, какъ поступаетъ Дрезеке, ибо почти каждый годъ весной Мануилъ предпринималъ экспедиціи то противъ одного врага, то противъ другого. При томъ, если соборъ былъ въ маѣ, то Мануилъ, очевидно, въ Киликію тогда не торопился, хотя бы засѣданіе и относилось къ 1158 году; онъ прибылъ въ эту провинцію, по прямому свидѣтельству современника и очевидца, продолжателя Матвѣя Эдесскаго, пресвитера Григорія Grégoire le prêtre = у Dulaurier, Bibliothèque historique arménienne. Paris, 1858 (pag. 352), въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года.

1) Самъ Крумбахеръ говоритъ на стр. 427: одна изъ его племянницъ Θεοδωρα... въ 1158 году выдана за Балдуина III короля Иерусалимскаго. Между тѣмъ, она послана въ Азію раньше, чѣмъ туда поѣхалъ самъ Мануилъ. См. Grég. le Prêtre с. 273 р. 352, о которомъ въ слѣдующемъ примѣчаніи. Нужно только замѣтить, что при переложеніи лѣтосчисленія Григорія первый его переводчикъ на французскій языкъ часто уходитъ однимъ годомъ впередъ.

слава, упомянутого у Крумбахера), когда, между прочимъ, Мануилъ по дорогѣ остановился въ Сербіи и при устройствѣ тамошнихъ дѣлъ низложилъ архиюпана *Дьжу* (= Стефана Неманю).—Все это было нѣсколько позднѣе, то есть, какъ опредѣлено въ моей статьѣ (Союзъ двухъ имперій — въ Славянскомъ Сборникѣ II) и еще отчетливѣе въ книгѣ К. Я. Грота («Угрія и славянство въ XII вѣкѣ», СПб. 1889 г.), именно въ 1163 году, какъ и требуется по соответствію съ 1158 г., годомъ ослѣпленія Глики (см. у Грота стр. 288 и выше). Итакъ, если основываться буквально на словахъ Глики, то годъ поднесенія (не составленія) будетъ не 1161—1162, какъ у Крумбахера, а 1163—1164.

Время составленія хроники Крумбахеръ ставитъ между 1161—1170 годомъ.

Выводы относительно того, когда именно жилъ Глика, Крумбахеръ строитъ, кромѣ того, на изслѣдованіи именъ лицъ, къ коимъ адресованы дошедшія до насъ письма Глики. На 421—22 стр. онъ приводитъ и списокъ этихъ адресатовъ. Изъ нихъ не всѣхъ можно «узнать». Извѣстными историческими лицами являются: Іоаннъ Дука, Андроникъ Палеологъ, Теодора племянница императора, Мануилъ Севастократоръ, Алексій Контостефанъ, имп. Мануилъ (письмо объ астрологіи), Константинъ Палеологъ (стр. 424—441). Какъ выше замѣчено, опредѣленіемъ тождества этихъ именъ занимался ранѣе Дюканжъ, а въ слѣдъ за нимъ и мы въ *обозрѣніи трудовъ* по византійской исторіи: результаты были тѣ самыя, которые получены и Крумбахеромъ послѣ болѣе подробныхъ розысканій; но есть одно любопытное совпаденіе, даваемое русскою лѣтописью, которое у Крумбахера, конечно, не повторяется.

Наконецъ, авторъ изслѣдованія переходитъ къ одному изъ болѣе важныхъ для его цѣлей вопросу и на стр. 425—433 опредѣляетъ, кто такая была Теодора, племянница императора, которой Глика пишетъ утѣшеніе, ибо она сокрушалась о томъ, что изъ ревности убила свою служанку. Письмо это Крумбахеръ печатаетъ впервые на стр. 452—460. Онъ перечисляетъ всѣхъ, какъ думаетъ, племянницъ Мануила, носившихъ имя Теодоры:

1) Теодора, дочь умершаго въ 1142 г. Андроника Комнина, второго сына имп. Іоанна, любовница императора Мануила, женщина высокоумѣнная и гордая.

2) Теодора Комнина, дочь Исаака Комнина, третьяго сына императора Іоанна. Въ 1158 г. 13 лѣтъ вышла она замужъ за Балдуна III, короля Іерусалимскаго. Потомъ она была спутницей Андроника Комнина, впоследствии императора, и родила ему двое дѣтей.

3) Теодора, племянница Мануила, супруга Бозмунда III Антиохійскаго (можетъ быть тождественна съ Теодорой Комниной, супругой полководца Андроника Лапарды; Андроникъ Комнинъ заточилъ ее въ монастырь, откуда ее сваталъ король Венгерскій).

4) Θεοδора, племянница Мануила, до 1165 г. вышла за герцога Генриха Австрійскаго; она умерла въ 1185 г.

Крумбахеръ, разсматривая каждую пѣзъ названныхъ Θεοδორъ, находитъ, что письмо Глики должно было быть адресовано первой изъ нихъ, любовницѣ императора Мануила. Если бы, по его мнѣнію, письмо было адресовано которой либо изъ трехъ другихъ, то было бы сказано не просто «ἀνεψιῆ τοῦ.... βασιλέως», а прибавлено «вдовствующей» княгинѣ или королевѣ; эта же и у Никиты Акомината именуется просто ἡ ἀνεψιῆ Θεοδώρα. Но связь императора съ ней началась съ пятидесятихъ годовъ XII в., а письмо писано въ промежуткѣ 1190—1200 гг.¹⁾ Отсюда видимъ, что возрастъ дамы для убійства изъ ревности мало подходитъ. Чтобы устранить эту несообразность, Крумбахеръ прибѣгаетъ къ натяжкѣ. Хотя, говорить онъ, Θεοδора до послѣднихъ дней сохранила свое значеніе при дворѣ Мануила, тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы старуха совершила убійство изъ ревности; однако письмо писано по поводу не самаго убійства, но лишь ввиду удрученнаго состоянія духа, вызваннаго раскаяніемъ; раскаяніе же могло явиться и въ старости, особенно по смерти ея покровителя Мануила. Но тогда, думаемъ, и заглавіе письма было бы другое. Въ настоящемъ заглавіи: Τῇ.... κυρῇ Θεοδωρᾷ ἀθυμούσῃ σφόδρα καὶ τὴν ἐκυτῆς ἀπογινώσκούσῃ σωτηρίαν δι' ὃν ἐτόλμησε φόνον ἐπὶ τινὶ γυναικὶ ζήλοτυπίας ἕνεκεν, нельзя видѣть ни малѣйшаго указанія на то, что убійство совершено 30—40 лѣтъ тому назадъ. Да и въ самомъ письмѣ, ссылаясь на примѣры историческихъ лицъ, совершавшихъ убійства, и говоря, что послѣдующею жизнью они загладили свой грѣхъ, авторъ ни слова не говоритъ о томъ, что «и ты жизнью своею покрыва давно и въ молодой горячности совершенный грѣхъ». Между тѣмъ, авторъ говоритъ лишь о томъ, что и другіе убивали, но вѣчнаго спасенія не лишались. Очевидно, онъ имѣетъ дѣло съ убійцей не старухой, которая могла уже загладить грѣхъ, а убійцею молодой, передъ которой есть еще жизнь впереди. Смыслъ письма таковъ: и другіе грѣшили, но не отчаивались и исправляли жизнь; не отчаивайся и ты, но загладь грѣхъ, перейди на путь добра.

Но самое главное, Крумбахеру осталось неизвѣстнымъ, и это настѣсколько даже удивляетъ, что у императора Мануила была и пятая племянница Θεοδора, дочь его сестры Маріи и кесаря Рожера, изъ князей Капуанскихъ. Существуетъ стихотвореніе Θεοδора Προδρομα на ея бракосочетаніе, начало и небольшіе отрывки котораго были напечатаны въ *Recueil des historiens des croisades (Hist. grecs t. II, 765)* Миллеромъ (Miller), а полный текстъ послѣ изданъ бывшимъ хранителемъ рукописей въ библиотекѣ св. Марка (въ Венеціи), Кастеллани, подъ заглавіемъ: *Epitalamio di Teodoro Prodromo per le nozze di Teodora Comnena e Giovanni Contostefano, con traduzione italiana in versi e note. Venezia, 1888.*

1) Стр. 428—431.

Греческое заглавіе въ рукописи читается такъ: ἐπέγραψα εἰς τὴν κυρὰν Θεοδώραν τὴν θυγατέρα τοῦ κτίσσεως καὶ τῆς πορφυρογεννήτου κυρᾶς Μαρίας τῆς πρώτης θυγατρὸς τοῦ ἀοιδίμου αὐτοκράτορος Ῥωμανῶν κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ. Уже отсюда видно, что Θεοδώρα, дочь какого-то кесаря и старшей порфиродной дочери императора Іоанна Комнина (Калояна), Маріи, значить племянница Мануила, который тоже былъ сыномъ Іоанна II, совсѣмъ отлична отъ тѣхъ четырехъ Θεοδωρѣ, о которыхъ шла рѣчь Крумбахера. О матери ея, Маріи, есть извѣстія у византійскихъ историковъ (Киннама и Никиты Хониата), и отъ нихъ мы узнаемъ, что она была замужемъ за Рожеромъ, принадлежавшимъ къ итальянской фамилии князей Капуанскихъ; титулъ кесаря онъ получилъ, очевидно, послѣ переселенія къ византійскому двору (Ducange, Familiae byzant. p. 180. Notae ad Cinnatum pag. 436 Pag. = 322 Bonn.). Что дочь ихъ Θεοδώρα была выдана пменно за Іоанна Контостефана свидѣтельствуемъ монодія другого современнаго поэта Манасси—на кончину августѣйшей Θεοδоры, супруги Іоанна Контостефана: Μονωδία ἐπὶ τῇ σεβαστῇ Θεοδωρᾷ τῇ τοῦ Κοντοστεφάνου Ἰωάννου συζύγῳ τοῦ Μανασσῆ. Кастеллани отмѣтилъ существованіе пьесы въ Венеціанскомъ рукописномъ сборникѣ, изъ котораго онъ заимствовалъ и епиталамій Продрома, а нашъ сотрудникъ А. И. Пападопуло-Керамевсъ въ самое послѣднее время напечаталъ ее цѣликомъ въ Византійскомъ Временникѣ (т. V (1898) стр. 674—678) по списку библіотеки патріарховъ александрійскихъ въ Каирѣ, не имѣя, впрочемъ, надлежащаго представленія объ ея значеніи и о брошюрѣ Кастеллани съ епиталаміемъ и вслѣдствіе того придавъ своей статьѣ неподобающее заглавіе: ῥητορικὸν γύμνασμα τοῦ Μανασσῆ (имя автора тоже стоитъ въ заглавіи пьесы въ Каирскомъ сборникѣ). Послѣднія строфы стихотворенія Продрома, гдѣ поэтъ обращается къ душѣ умершаго кесаря, принимающей участіе въ торжествѣ, показываетъ, что бракъ съ Контостефаномъ совершился послѣ смерти Рожера, а этотъ послѣдній умеръ, по историческимъ даннымъ (Cinnat. p. 5178), не ранѣе 1161 года, такъ какъ въ предыдущемъ сватался за вдову Раймунда князя Антиохійскаго, но былъ отвергнутъ по причинѣ престарѣлаго возраста. Киннамъ говоритъ, что Рожеръ послѣ того съ горя постригся въ монахи и ушелъ въ одинъ изъ монастырей въ Константинополѣ, гдѣ и скончался, но изъ заключенія епиталамія скорѣе можно вынести представленіе, что онъ былъ погребенъ въ Антиохіи. Что же касается мужа его дочери Θεοδоры, Контостефана Іоанна, то и о немъ мы имѣемъ достаточно свѣдѣній. Уже въ 1161 году онъ былъ σεβαστὸς (Cinnat. p. 121). Между прочимъ онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ собора 1166 года и тогда уже былъ царскимъ племянникомъ (ἀνεψιός, очевидно, по женѣ); слѣдовательно, между 1161 и 1166 годомъ послѣдовалъ занимающій насъ бракъ, опредѣляющій косвеннымъ образомъ и эпоху, къ которой должно относиться посланіе Глики. По соображеніямъ Крумбахера, самымъ раннимъ срокомъ для письма можно положить послѣднее

10-лѣтіе нпм. Мануила (1143—1180), слѣд. 1170—1180 г., когда прошло всего 5—15 лѣтъ со дня брака царевны Θεодоры. Она тогда могла быть въ возрастѣ, когда чувство ревности является вполне естественнымъ (19—30 лѣтъ). Жила она въ Византіи, во всякомъ случаѣ не за предѣлами имперіи. Ввиду того, что она называется просто «племянница императора», должно думать, что письмо писано еще при жизни нпм. Мануила, слѣдовательно не позже 1180 года, а такъ какъ въ немъ есть заимствованія изъ хроникъ, а хроника писана въ 1161—1170 году, то сроки для письма будутъ 1165—1180 или 1170—1180 гг., слѣдовательно, опять таки во время, когда Θεодора была еще вполне молода или, по крайней мѣрѣ, не стара. Если допустить, что письмо было писано этой Θεодорѣ, то, очевидно, не надо дѣлать тѣхъ натяжекъ, которыя дѣлаетъ Крумбахеръ, стараясь доказать, что оно было адресовано Θεодорѣ, любовницѣ Мануила. Прибавимъ, что другое твореніе, стоящее рядомъ съ монодією Манасси и, очевидно, ему же принадлежащее—*Παρχμυθητικὸν εἰς τὸν σεβαστὸν κῆρ Ἰωάννην τὸν Κοντοστέφανον* (утѣшительное посланіе къ августѣйшему Іоанну Контостефану), остается непзданнымъ; оно, нужно думать, касается того же сюжета (Castellani, pag. 6). Контостефанъ пережилъ свою супругу и присутствовалъ при ея погребеніи; она умерла, по словамъ Манассы, во цвѣтѣ лѣтъ.

Въ заключеніе Крумбахеръ даетъ общій очеркъ жизни и литературной дѣятельности Михаила Глика. Вся его біографія умѣщается менѣе чѣмъ на одной страницѣ¹⁾. Далѣе онъ даетъ общую его характеристику. «Глика принадлежитъ къ числу столь рѣдкихъ въ византійской литературѣ представителей народнаго направленія. Именно въ эпоху Комниновъ, когда педантичный классицизмъ клѣмилъ всякое народное движеніе печатью необразованности и могущественно подавлялъ его—явленіе это вдвойнѣ интересно. Надо было обладать большимъ мужествомъ и сильно выраженной индивидуальностью, чтобы въ то время выступить противъ все усиливавшагося теченія литературы и образованности, возвращавшихся назадъ къ старому. Человѣкъ со столь еретическими наклонностями не могъ имѣть счастья въ жизни. Какъ при жизни Глика не могъ сдѣлать карьеру ни при дворѣ, ни въ ученѣмъ мірѣ и долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что посвящалъ свои письма отдѣльнымъ лицамъ изъ своихъ благожелателей, такъ и впоследствии видные историки въ родѣ Никиты Акомпината не удостоили его даже взглядомъ. Литературные труды его можно понять только, если сопоставить ихъ со стремленіями и характеромъ хронистовъ въ родѣ Малалы, Θεοφάνη и Γεωργίου Μοναха, съ богословами въ родѣ Іоанна Λέστιχνη, общимъ съ которыми является у него любовь къ народнымъ поговоркамъ; наконецъ съ пріверженцами народной литературы (на вульгарномъ нарѣчій) въ родѣ Πτοχοπροδρομά²⁾».

1) Стр. 442.

2) Стр. 443.

Давъ такимъ образомъ общую характеристику и указавъ Глики мѣсто среди другихъ византийскихъ авторовъ, Крумбахеръ разбираетъ вопросъ, не составляетъ ли онъ одно лицо съ Михаиломъ Сикидитомъ, котораго имп. Мануилъ велѣлъ ослѣпить за волшебство. Отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ отрицательно¹⁾. Надо только опять поправить на 445 стр. года ослѣпленія: 1156 на 1158 и 1161 на 1163.

На стр. 447—451 и 452—460 напечатано стихотвореніе, посвященное и обращенное къ имп. Мануилу, и письмо къ царевнѣ Теодорѣ.

Въ началѣ своей книги, какъ мы видѣли, Крумбахеръ поставилъ себѣ цѣлью рѣшить относительно Глики ту задачу, которую задалъ Тэнъ. Исполнилъ ли онъ свое намѣреніе и успѣлъ ли въ немъ? Тотъ же вопросъ задаетъ себѣ и Психари (Psichari) въ рецензіи на трудъ Мюнхенскаго профессора, помѣщенной въ *Revue critique* № 43, 1895 г. (28 octob.), и рѣшаетъ его такъ. «Филологія, руководимая чутьемъ психолога, сдѣлаетъ, конечно, богатые открытія на плодородной почвѣ византийской литературы. Но удалось ли Крумбахеру воскрешеніе личности Глики?... Написана книга со свойственной автору тщательностью, благодарственной, если можно такъ выразиться, тщательностью, ибо даетъ намъ ощущеніе чего-то законченнаго».... Важны результаты изслѣдованія литературнаго матеріала; важны и тѣ нѣкоторые біографическія данныя, которыя мы узнаемъ благодаря Крумбахеру, но ему не удалось рѣшить задачу Тэна.

«Работа филологин сдѣлана: остается дѣло психологу. Можетъ быть, это не вина Крумбахера, ибо Глика слишкомъ мало открываетъ намъ свой внутренній міръ».

В. Васильевскій.

А. Ѡ. Семеновъ, *Житіе преподобнаго Симеона Дивногорца, по мюнхенской греческой рукописи XI в. (cod. graec. 3). Кіевъ 1898. 23 стр. 8°.*

Св. Симеонъ Дивногорецъ, родившійся въ царствованіе Юстина I въ 521 г. въ Антиохіи, столицѣ Сиріи, всю жизнь съ самаго ранняго дѣтства подвизался столпникомъ. Шести лѣтъ отъ роду онъ впервые возшелъ на столпъ и съ этого времени, хотя и перемѣняя мѣсто своего стоянія, до конца жизни (въ 596 г.) придерживался избраннаго разъ на всегда столпническаго образа жизни. Самое продолжительное время (послѣдніе 55 лѣтъ своей жизни) онъ пробылъ на горѣ, находящейся вблизи Антиохіи и поименованной вслѣдствіе чудесъ, совершенныхъ на ней св. Симеономъ, Дивною горою. Здѣсь ученики Симеона около его столпа построили монастырь. Память его празднуется 24-го мая, въ день кончины преподобнаго, дожившаго до 75 лѣтъ. Св. Симеонъ Дивногорецъ не только прославился строгоаскетическою жизнью, но и удостоился даровъ пред-

1) Стр. 443—446.